

**КАРЬЕРНАЯ ТРАЕКТОРИЯ ПИСАТЕЛЯ-АВТОДИДАКТА НА РУБЕЖЕ
XIX-XX ВЕКОВ: ГЕОРГИЙ ГРЕБЕРНЩИКОВ**

Толстоноженко О.А.,

научный руководитель д-р филол. наук Анисимов К.В.

Сибирский федеральный университет

Творчество сибирского писателя Г.Д. Гребенщикова попало во внимание литературоведов лишь в последние десятилетия. Этот талантливый и амбициозный автор, получивший своё образование у деревенского сапожника, создал знаменитую эпопею и в конце жизни был возведён в степень доктора философии в одном из американских университетов.

Цель данной работы состоит в том, чтобы выявить принципы построения и реализации карьерной траектории Г.Д. Гребенщикова в динамичном контексте русской литературы начала XX в., времени, когда были резко проблематизированы статусы «элитарного» и «классического» писателя – на фоне энергичных попыток легитимировать новую позицию «писателя из народа», самоучки, автодидакта. В процессе исследования решен ряд задач: в интересующем нас аспекте дано описание историко-культурной ситуации в России на рубеже XIX – XX веков; объяснены изменения в литературном поле в перспективе социологии культуры (по П. Бурдьё); описаны условия вхождения нового писателя в литературное поле вообще и элитарное суб-поле в частности; показан знаковый, осмысленный характер самопозиционирования Г.Д. Гребенщикова в литературном поле.

В общетеоретическом отношении, а также на конкретных примерах взаимодействия массовой «низовой» и «классической» литератур данная проблематика рассматривалась в работах Дж. Брукса, И. Паперно, А.И. Рейтблата, Л.Д. Гудкова, Б.В. Дубина, Т.И. Печерской.

Рубеж XIX-XX веков в России стал периодом существенной перестройки основ функционирования национальной литературной системы. Опишем эту ситуацию в терминах П. Бурдьё. Литературное поле относится к полю власти как микрокосм к макрокосму: оно всегда реагирует на воздействия последнего. Структура поля литературы определяется взаимодействием сил внутри него. Существуют три группы позиций, обладающих силами – это литературные агенты (писатели, поэты), потребители – читательская аудитория и главная экономическая сила – критики, историки искусства, издатели и т. п., оказывающие влияние на расстановку сил внутри поля путём учреждения премий, пенсий, стипендий и т.д. Однако в России эти способы повышения символического капитала были представлены слабо, особенно на территориальной периферии литературного процесса.

Во второй половине XIX века внутри литературного возникает расслоение массовую и элитарную литературу. В пределах элитарного суб-поля появляется антитеза новичков и классиков.

Данный феномен объясняется в первую очередь причинами, обусловленными социальной и общекультурной модернизацией эпохи Великих реформ: после отмены крепостного права в 1861 году неуклонно увеличивается количество грамотных людей в городе и деревне. Читательская аудитория значительно расширилась. Поскольку у большинства «новых читателей» доход всё же был небольшим, а уровень образования предполагал только навык чтения «по складам», они не могли приобретать толстые книги и журналы, которые, впрочем, не способны были постичь интеллектуально. Поэтому появляется спрос на тонкие газеты, листки, лубочные романы, цена которых со-

ставляла от одной до нескольких копеек. Критик В.Л. Львов-Рогачевский так отзывался об этом явлении: «На одной библиотечной выставке я видел очень поучительную записку “барышни уездной” уездному библиотекарю: “пришлите Вербицкой «Ключи счастья», или ничего не присылайте”. Здесь вкус – вполне определённый, здесь критику делать нечего! Здесь – дело ловкого издателя, который знает толк в ходком товаре. Хорошо идёт? Значит хороший писатель. И такой “хороший” писатель тоже ненавидит критику и очень ценит своего издателя и свою публику» [Львов-Рогачевский 1916: 155]. Так литературное творчество превращалось в ремесло, приносящее определённый доход. Агенты, вовлечённые в массовое суб-поле (согласно упомянутой выше иерархии), не заботились о приобретении символического капитала.

Напротив, приверженцы элитарного суб-поля стремились максимально отличить свою литературную продукцию от массовой. М.Л. Гаспаров отмечает: «Новая поэзия была ориентирована на культурную элиту: малотиражные издания, изысканное оформление, высокие цены» [Гаспаров 1993: 9].

Перед писателем, живущим не в столице, вставала проблема выбора того пути, идя по которому, он мог бы претендовать на успех и повышать свой статус. В ряде случаев молодые литераторы вынуждены были искать писателей, чей авторитет позволял им выступить в роли своего рода «покровителей», «паломничество» к которым или эпистолярный диалог делались оправданием собственного труда и способом осмыслить свое место в рядах литературного движения. Важно, что и признанные писатели утверждают свое реноме в том числе за счёт введения в свою среду новичков.

В это время в литературу входит Г.Д. Гребенщиков. Он родился в 1882 г. в посёлке Николаевский рудник Томской губернии в бедной семье рудокопа. В 1906 г. его произведения впервые появляются в печати под псевдонимом, через год он подписывается своим именем. В 1910-е гг. он уже приобрёл широкую популярность среди читателей Сибири.

Гребенщиков мог претендовать на место успешного областного писателя. Он обладал для этого достаточным образованием и имел свою аудиторию. Однако такая перспектива не устраивала его самого. Талантливый и амбициозный, он считал себя крупнее этого социального контекста. Травматическая природа его личности заключалась в несоответствии запросов и возможностей. В отличие от других областных писателей, для него не стоял остро вопрос о заработке. Работа в газетах приносила ему определённый доход и позволяла параллельно заниматься собственно литературным трудом. При этом Гребенщиков ощущал необходимость вырваться из привычного окружения и обрести признание в более престижных кругах. В сибирской глубинке это было невозможно, потому что центр «настоящей» культуры всё-таки находился в «столицах».

Такое положение дел вынуждало Гребенщикова последовательно прибегать к поддержке авторитетов, стоящих как бы на разных ступенях лестницы, ведущей в столичную большую литературу. Так, покровителями для Гребенщикова поочередно становились Г.Н. Потанин, представитель сибирской интеллектуальной элиты, Л.Н. Толстой – «старый» классик, Максим Горький – «новый» классик, имеющий значительный вес в литературных кругах столицы.

Знакомство с Григорием Потаниным, на тот момент уже знаменитым этнографом и публицистом, было важным и во многом определяющим шагом в карьере Гребенщикова. В рамках данной работы нас будут интересовать их взаимоотношения исключительно в плане значимости для построения карьерной траектории Гребенщикова.

Потанин был для своего подопечного учителем и наставником. Он принимал в судьбе Гребенщикова деятельное участие: организовывал его публичные выступления, давал советы по поводу печати статей, ввёл его в круг местной интеллигенции. Благодаря Потанину Гребенщиков стал одним из редакторов самой крупной и авторитетной

на тот момент газеты Барнаула «Жизнь Алтая». Новая должность не просто повышала статус писателя, но и открывала дорогу к столичным литературным кругам.

Следующим важным шагом была поездка в 1909 г. в Ясную Поляну к Толстому. В определённом смысле это был поворотный момент во всей судьбе Гребенщикова. Перед ним встаёт проблема выбора дальнейшего пути. Примечательно, что балансирование на границе литературного поля проявлялось в часто и настойчиво акцентированной возможности вернуться к физическому труду и «повседневной» жизни. Вспоминая о поездке к Толстому, Гребенщиков отмечает, что в тот момент, когда он увидел на выставке сапоги, сшитые Львом Толстым, его посетила мысль бросить писательское дело и заняться физическим трудом – словом, найти более приемлемое применение своим силам (эта же мысль высказана в одном из писем к Потанину): «Больше не писать ни одной строчки для печати! Я должен уехать обратно в Сибирь, сделаться земледельцем, пастухом, сапожником... И если буду сапожником, – думал я тогда, – То шить сапоги буду лучше Толстого, если буду пастухом или пахарем, то и это буду делать лучше Льва Толстого... Но писать и печатать написанное – это сделать лучше Толстого я никогда не смогу... А писать хуже Толстого, – есть еще сотни писателей, пусть они и пишут» [Гребенщиков]. Это высказывание показывает, что на тот момент классик был для Гребенщикова не просто литературным авторитетом, но и мериллом жизни, точкой отсчёта для оценки любого занятия.

Эта тенденция проявляется и в занятиях журналистикой, и в том, что даже через много лет в эмиграции Гребенщиков буквально соединял культурную деятельность со строительством деревни. Ориентация на Льва Толстого в данном аспекте согласовалась с поведенческим сценарием знаменитого писателя, только продемонстрированным словно с противоположной стороны литературного поля: от «центра» навстречу «периферии», от эстетики «чистого» творчества к труду и опрощению.

Однако общие моменты в поведении были не единственной причиной выбора Толстого в качестве покровителя – это скорее закономерность. В таком же положении относительно классика за полтора десятилетия до Гребенщикова находился ещё один нестоличный начинающий писатель Иван Бунин. При всей их непохожести описания встречи с великим Толстым имеют ряд общих черт. Оба автора воспоминаний говорят о чрезвычайном волнении и страхе перед автором «Войны и мира», ощущают сакральность самого места их «паломничества», оба очень нуждаются в оценке своего творчества. И Бунин, и Гребенщиков получают одобрение и своеобразное благословение от классика.

Толстой был для этих авторов хоть и непререкаемым авторитетом, стоящим на недостижимой высоте, но всё-таки «своим». Бунин отмечает первое, что он увидел в доме графа: «...я вижу лакея в плохеньком фраке и светлую прихожую, тёплую, уютную, со множеством шуб на вешалках, среди которых резко выделяется старый полушубок». У Гребенщикова: «Он был в желтом верблюжьем азяме, плотно запахнутом и подпоясанным, и левою рукою опирался на костыль». Простота не только в одежде, но и в речи, обращении, во взгляде на вещи сближала Толстого с его почитателями. Эта его простота противопоставляется поведенческому элитизму новых столичных писателей, замкнутости их сообществ – наиболее болезненной для писателя-провинциала теме.

В 1912 г. Гребенщиков предпринимает путешествие в Петербург. В программном цикле очерков «Письма к друзьям», составленном по материалам поездки, обнажаются травматичные моменты восприятия Гребенщиковым своего положения в литературном и социальном пространстве. Писатель стремится войти в высшие круги общества и добиться там признания, но в то же время резко себя им противопоставляет.

Во многих высказываниях Гребенщикова просвечивают обида и закомплексованность. Он акцентирует внимание на обыденных бытовых моментах, в которых наиболее

явно сказываются различия провинции и столицы: «Зайдите в любой магазин на Невском – с вас за самую обыкновенную коробку спичек возьмут вдвое дороже, чем, например, тут же, по соседству, в провинции. Чувствуй, что на Невском покупаешь!.. И публика всегда дура – она переплатит да возьмёт на Невском... И всё для того, чтобы “чувствовать”: вот, на Невском куплено» [Гребенщиков 1995: 167]. Самоуничижительная характеристика провинциала проливает свет на его болезненное восприятие культурной жизни столицы. В провинции она практически отсутствует, создать её достаточно сложно, но без этого этапа невозможна культурная интеграция.

Наконец, третий шаг, непосредственно вводящий Гребенщикова в столичную литературу – начало переписки с Максимом Горьким. В 1911 г. Гребенщиков отправляет ему на суд несколько своих произведений: «Вы - человек, и я иду к Вам, как к человеку человек. Вы крепкий и большой, я слабый и малый. Если можете и если стоит – поддержите». Так начинается их долгий и плодотворный диалог. Именитый писатель не только даёт Гребенщикову советы по поводу создания произведений, совершенствования языка, но и подсказывает наиболее выгодные способы публикации, рассказывает о выживании в литературном мире: «Книгу свою [«Ханство Батырбека». – *О.Т.*] Вы – на мой взгляд - торопитесь издать, подождали бы лучше. Успех она едва ли будет иметь в наши дни, когда требования к форме литературного произведения стоят очень высоко. “Конспект романа” Вы печатаете тоже совершенно напрасно – это убьёт Ваш будущий роман, а критике даст возможность сказать, что Вы дважды печатали одну и ту же вещь» [Горький 1961: 99].

В 1912 г. Горький становится заведующим литературным отделом журнала «Современник», ищет новых авторов и предлагает Гребенщикову напечатать в нём несколько произведений, тем самым вводя его в столичную литературную среду: в «Современнике», а позже в горьковской «Летописи» печатаются лучшие вещи писателя – рассказы и повести «Ханство Батырбека», «Волчья жизнь», «Любава».

Горького Гребенщikov интересовал не только как талантливый автор, но и как представитель областной литературы, готовый прилагать усилия к созданию культурного пространства на своей малой родине.

В аспекте проблемы культурной интеграции, как её видел Горький, Гребенщikov становился важной фигурой для литературного процесса в Сибири, и поэтому получал значительную поддержку со стороны известного писателя.

Таким образом, начало карьерного пути областного писателя строится на ряде важных шагов и предполагает наличие определённых условий. К ним относятся появление соответствующей писательской позиции, наличие таланта и обращение за помощью к писателям, представлявшим два – старшее и младшее - поколения «классиков». Для Гребенщикова такими учителями были Г.Н. Потанин, Л.Н. Толстой и М. Горький, подчеркивавшие свой нестоличный статус. Самопрезентация Гребенщикова была основана на противопоставлении своего писательского и социального положения аналогичным позициям признанной элиты. Этот момент был как травматичным, так и исключительно продуктивным для рефлексивного осмысления в творчестве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаспаров М.Л. Поэтика «серебряного века» // Русская поэзия «серебряного века», 1890-1917: Антология. М., 1993. С. 5-44.
2. Горький и Сибирь: сб. Новосибирск, 1961. С. 98-104.
3. Гребенщikov Г.Д. Петербургские впечатления // Барнаул, 1995, № 4. С. 167-170.
4. Гребенщikov Г.Д. У Льва Толстого URL: http://grebensh.narod.ru/u_tolstogo.htm
5. Львов-Рогачевский В.Л. Великое ожидание // Ежемесячный журнал. 1916. № 1. Стлб. 155-180.